УДК 159.95 DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-22-30

СОБОЛЬНИКОВ Валерий Васильевич
Новосибирский государственный педагогический университет
г. Новосибирск, Россия
vsobolnikovis@gmail.com

Valery V. SOBOLNIKOV
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russia
vsobolnikovis@gmail.com

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

INFORMATION-PSYCHOLOGICAL IMPACT OF INTERNATIONAL LAW SUBJECTS AS A THREAT TO RUSSIAN NATIONAL SECURITY

Статья посвящена актуальной проблеме исследования информационно-психологического воздействия субъекта международного права (СМП) на население России. В качестве основы проведения исследования положена деятельность США и НАТО в целях оптимизации системы психологической защиты. На основе анализа англосаксонского варианта информационно-психологического пресса выделены концептуальные предпосылки воздействия. Важными при этом являются реализация доктрины «мягкой силы» и эффективность механизмов психологического воздействия. Анализ отдельных научных проектов США на фрагментарном уровне позволяет раскрыть потенциал деструктивного психологического воздействия на население России и определить тенденции развития. Особое внимание уделено подверженности россиян влиянию через Интернет, что, по мнению автора, обусловливает вероятностную трансформацию мышления и направленного поведения. Рассмотрен процесс конструирования виртуальной среды воздействия с ее составляющими: закладка уровня отклика, обеспечение пространственно-временного разрешения при контакте и т.д. Программирование эффективной сетевой коммуникации основано на том, что мышление современного человека более оперативно и адаптивно, а мыслительные процессы являются однолинейными и ограниченными. Одновременно закладывается возможность возникновения чувства присутствия в виртуальной среде, инициации метакогнитивных процессов, ответственных за адаптацию когнитивной сферы к контексту информации. Определены направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: национальная безопасность, информационно-психологическое воздействие, англосаксонский вариант, концептуальные предпосылки, виртуальная реальность, виртуальное сетевое мышление, виртуальная психология, социальные сети, Интернет, чувство присутствия, психологические механизмы.

The article is devoted to research of information-psychological impact of a subject of international law on the population of Russia. As the basis of the study put the US and NATO in order to optimize the system of psychological protection. Based on the analysis of the Anglo-Saxon version information press highlighted the conceptual background exposure. Important is the implementation of the doctrine of "soft power" and effectiveness of the mechanisms of psychological influence. The analysis of individual research projects at a granular level allows you to unlock the potential of destructive psychological impact on the population of Russia and to identify trends. Special attention is paid to the susceptibility of Russians influence over the Internet that, according to the author, leads to a probabilistic transformation of thinking and directional behavior. The process of constructing the virtual environment impact from its components: the tab-level response, providing spatial temporal resolution in contact, etc. Programming an effective communication network is based on the fact that the thinking of modern man more quickly and adaptive, and thought processes are single-line and limited. At the same time lays the possibility of the sense of presence in a virtual environment, the initiation of metacognitive processes responsible for adaptation to cognitive context information. The directions of further research is focused.

Keywords: national security, information-psychological influence, Anglo-Saxon version of conceptual background, virtual reality, virtual network thinking, virtual psychology, social networks, Internet, sense of presence, psychological mechanisms

Введение

В мире тотального информационно-психологического противодействия и мифотворчества, подмены реальности константной на виртуальную, размывания грани между ними и наложения фрагментов виртуального на реальное происходит порождение новых информационно-психологических средств воздействия при коммуникации. Базисом такого взаимодействия является использование специальных технологий информационно-психологического воздействия (ИПВ). В ведущих странах, прежде всего США, государствах Евро-Атлантического региона и НАТО как субъектах международного права (СМП), разрабатываются и реализуются специальные программы нелетальных систем поражения противника. Целенаправленное их использование обрекает объект воздействия на дезориентацию, культурошок, психошок, деградацию и отвлечение от реальных проблем.

Достижения в этой сфере порождают информационные взрывы, которые, обрушиваясь на людей, могут трансформировать массовое сознание (Э.Тофлер, 1999; М. Кастельс, 1999; и др.). В этой связи ИПВ ряда ведущих зарубежных стран и НАТО представляют собой угрозу национальной безопасности нашей страны [1]. Структурная дестабилизация и хаотизация в мире, рост исламского экстремизма, терроризма, массовых миграций используются ими в качестве катализаторов деструктивных процессов. В условиях полифакторного влияния ИПВ на основе закономерностей психологии масс формируется дальнейшее упрощение картины мира, а крайне динамичное и переменчивое информационное пространство становится местом пре-

дельно жесткого информационно-психологического противодействия [2, с. 23]. Сложившаяся ситуация связана с рядом следующих обстоятельств. В мире усиливается:

а) обострение противоречий во всех сферах жизнедеятельности на основе межцивилизационных отличий, этноконфессиональных ценностей и ИПВ направленного на трансформацию образа жизни людей;

б) развитие технологий ИПВ и активное их использование в целях оказания воздействия на психику, сознание и поведение людей, а также их нейтрализации.

«Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» является основополагающим документом, регламентирующим деятельность России в сфере обеспечения информационно-психологической безопасности в достижении достаточно сложной цели [1]. Очевидно, в долгосрочной перспективе такой уровень напряжения невозможно будет снять только посредством обращения к консерватизму и традиционным ценностям. В условиях постоянного поиска адекватных средств актуализируется проблема информационно-психологического воздействия (ИПВ) как угроза национальной безопасности России.

1. Концептуальные предпосылки ИПВ: дискурсивный анализ англосаксонского варианта

Современный уровень развития в области интеграции науки, образования и высокотехнологичной промышленности порождает все новые формы, методы и средства ИПВ при широком использовании киберпространства (англ. *cyberspace*) как виртуальной реальности [3, с. 76]. Одновременно создаются условия повышенного риска поражения объектов ИПВ различными видами нелетального оружия. Подтверждением тому является активное использование США и их партнерами по НАТО «технологий разрушения изнутри» (Югославия, Ирак, Ливия) и организации «бархатных революций» (Грузия, страны Центральной Азии, Украина и т.д.) [4, с. 13-14]. В «Объединенной доктрине противоборства в области управления и связи» информационно-психологическое воздействие понимается как комплексная система «целенаправленного психологического влияния на конкретные сферы психики человека, группы лиц или общественное сознание в целом. Воздействие может осуществляться посредством информационных раздражителей с использованием всего спектра методов и форм технического, визуального, звукового, медикаментозного, физического, болевого, виртуального подавления воли» [4, с. 35-40].

Опыт использования ИПВ позволяет политическому руководству США рассматривать его в качестве одного из наиболее эффективных средств инициирования деструктивных процессов и решения эгоцентричных задач в политической, экономической, военной и др. сферах [5, с. 14-15]. При анализе различных аспектов, связанных с разработкой ИПВ, просматривается его обусловленность межцивилизационными, этническими и ментальными особенностями. В результате обнаруживается специфичный англосаксонский вариант активации информации с учетом имеющихся разработок в необихевиориальной, архетипической и когнитивной психологии (B.F.Skinner, V.T. Vabghan 1985; J. Hillman 1970; 1972; 1975; J.C.Wright, W.Mischel 1987; и др.). Целевым содержанием воздействия остается жесткое изменение политической системы противника, навязывание «демократических» норм и стандартов поведения, а также слом стержневой динамической системы личностно-смысловых образований, привитие состояния неустойчивости или узости мотивационной иерархии и низкой потребности в рефлексии и саморегуляции как основы возникновения личностных аномалий. Вместе с тем на равных условиях с методами силового («силовое умиротворение», «гуманитарные интервенции» и др.) активно используются методы несилового воздействия («психологическая война», «бархатные революции», «мягкая сила» и т.д.) [6]. Использование вооруженных сил становится возможным только для поддержки технологий ИПВ по управлению массовым сознанием населения.

Анализ имеющейся литературы, раскрывающей стандартные операции США по ИПВ, позволяет выделить основные этапы алгоритма: расслоение общества на страты, их поляризация, диагностика и коррекция индивидуального и группового поведения населения и целевых аудиторий. Признается в процессе такого воздействия вероятность возникновения паники и слухов у населения, снижения состояния здоровья, высокого уровня психосоматических нарушений, что может привести в целом к разрушению их информационно-психологической безопасности [7, с. 12-20].

В контексте изложенного видится необходимость концентрации и систематизации имеющегося материала по использованию значительного спектра технологий и проработки концептуального оформления вероятностного комплекса. Концептуально ИПВ может быть представлено в виде ряда следующих допущений:

1. Межцивилизационные отличия позволяют выделить превалирующий (англосаксонский) вариант [8] осуществления ИПВ, с помощью которого реализуется жесткое изменение политической системы противника, с навязыванием норм и стандартов «демократических институтов».

Гибкое сочетание методов силового давления («силовое умиротворение», «гуманитарные интервенции» и др.) и несилового воздействия («мягкая сила», «бархатные революции», «психологическая война» и др.) обеспечивает достижение информационного превосходства. Возможность применения вооруженных сил, по мнению зарубежных аналитиков, определяют в качестве дополнения для достижения целей.

2. ИПВ как система и многомерный динамический процесс является значимым элементом проведения информационных войн и частью государственной политики, средством достижения политических, экономических и других целей и превращения информационно-психологического противоборства в форму идеологической борьбы. При проведении «сетецентрических» операций достижение и удержание «информационно-психологического превосходства для США остается определяющим» [9, с. 41-45]. Объектом воздействия становятся сознание, поведение и психика населения противостоящей стороны, а также информационно-психологическая среда мирового сообщества. ИПВ рассматривается как система и многомерный динамический процесс, реализация которого требует применения специальных форм и инновационных методов работы, создания адекватного информационного, организационного и научно-методического обеспечения.

3. ИПВ как система состоит из ряда разноуровневых и взаимосвязанных блоков и включает [2, с. 75-79]:

а) статический компонент (субъекты, объекты, средства и методы, условия и др.);

б) динамический компонент (потребности, цели, ресурсы, управленческие решения, планы, практические действия, оценка результатов и фактических затрат и др.);

в) предмет воздействия: индивидуальная психика личности (интеллект, эмоции и чувства, сознание и бессознательное); общественное и коллективное бессознательное (теоретико-идеологический план, обыденно-психологический уровень и т.д.); политическое руководство и элита страны, лидеры общественных организаций и политических движений, вооруженные силы;

г) информационно-коммуникативное воздействие в различных формах [10, с. 25-31] «межличностного взаимодействия», «контакт-коммуникаций», «СМИ», Интернета и др., индивидуального, группового и массового сознания (бессознательного), копинг-стратегий (адаптивные, дезадаптивные), копинг-ресурсов (макро-, микросоциальные, личностные), копинг-стратегий (адаптивные, дезадаптивные), нарушения адаптивных механизмов функционирования, которые вызывают в обществе социально-психологическую напряженность и приводят к нарушению всех сфер жизнедеятельности.

4. Арсенал современных методов и средств ИПВ обладает значительным потенциалом и может избирательно использоваться для оказания воздействия [2, с. 104-130]:

а) на индивидуальную сферу психики человека через интеллект и различные уровни его сознания и бессознательного: (специально структурированная информация, логическая аргументация, методы убеждения и пропаганда); эмоции и чувства (внушение, давление, запугивание) в целях инициирования негативных эмоций и состояний и т.д.;

б) на общественное сознание на идеологическом уровне (теории, парадигмы, мировоззрение, культурные программы и ценности и др.) и обыденно-психологическом уровне (формирование оппозиционных массовых протестов, движений и т.д.).

Очевидно, анализ потенциально опасных современных достижений США и их партнеров в сфере ИПВ является не только актуальным и ценным, но и своевременным, что позволит соответствующим государственным органам России учитывать это в своей деятельности. Глобализация информационных процессов привела к пониманию значимости «информационного пресса» как фактора, определяющего ключевые перемены в сообществе. В этом плане представляет интерес «Доклад "Рунет сегодня"», из которого видно [11], что большинство зарубежных известных медийных порталов (интернет-журналы, блоги, новостные и информационные порталы), поисковых систем, социальных сетей, коммерческих сервисов, некоторые другие ресурсы обладают высоким уровнем присутствия в информационном пространстве России. Так, например, Google представляет собой американскую транснациональную публичную корпорацию, а ряд социальных сетей (Youtube, Wikipedia, Facebook, Twitter Рунета и др.) являются зарубежными. Одновременно, 15 из 20 российских ведущих сайтов («ВКонтакте», «Одноклассники», Яндекс и др.) обладают 20% долей иностранных инвестиций. При этом, по данным Synovate Comcon, информации Интернета доверяют 40% граждан России. Вместе с тем опрос, проведенный в 2012 г. ВЦИОМ, убеждает, что 59% респондентов получают информацию из Интернета. Таким образом, роль Интернета как информационного источника усиливается, а возможности использования применения ИПВ, по мнению ряда зарубежных исследователей, становятся безграничными [12]. При этом следует помнить, что «каждый век, кроме нашего, имел свой идеал. Все они были выделены нашей культурой: святой, герой, джентльмен, рыцарь, мистик. А то, что предложили мы, – хорошо приспособленный человек без проблем – это очень

бледная и сомнительная замена» [13, с.34-35]. Такого рода личность в условиях ИПВ, трансформации среды и особенно дополненного или вновь созданного виртуального пространства, в том числе контрпродуктивного плана, способна быстро адаптироваться.

В контексте изложенного появление Интернета связано с США, поэтому и является лидером по проведению ИПВ как концептуально оформленного и направленного на обеспечение «информационно-психологического превосходства» [9, с. 41-45]. Созданное ими «социально-коллаборативно-сетевое» направление в течение многих лет остается одним из приоритетных. В имеющейся литературе подчеркивается, что использование в ИПВ «якорных» психотехник могут инициировать различные массовидные психические процессы (массовые, например, состояния, мнения, коммуникации, социальные установки, реакции и т.д.). Сохранившиеся в исторической и этнической памяти, они могут нести энергии, близкие к пограничным и агрессивным, в том числе и деструктивного характера. Извлеченные из этнической памяти коллективного подсознания, они инициируют прошлое в настоящем. Технология «переключения» населения какого-либо этнического анклава из одного психологического состояния (мирного добрососедства) в состояние немотивированной агрессии не представляет сложности. Более того, можно выделить ряд технологий по управлению ассоциативными процессами в массовом сознании, формированию фобий, нейролингвистического управления сознанием, основанных на оперировании мифами, управлению процессами восприятия образа конфликта, «переключения сознания» и др.

В ситуации острого противоборства виртуальная реальность занимает важное место, наделяя человека качеством восприятия и ее переживания как объективной реальности [14, с. 31-38]. В этих условиях исключительную значимость приобретает способность к психической саморегуляции и психологического управления противником [15, с. 293-301]. Очевидно, знания, содержащие представления о его психическом состоянии, намерениях, средствах управления и побуждения к направлению на негодный объект, могут быть получены при диагностике созданной ими виртуальной реальности. В контексте изложенного определение потенциала ИПВ и его возможностей представляется важным.

Анализ проектной работы, направленной на разработку и развитие современных технологий влияния за рубежом дает нам фрагментарные представления о наличии определенного потенциала [16]. Среди ведущих исследований в сфере IT-технологий выделяется Intelligence Advanced Research Projects Activity (Агентство передовых разведывательных исследовательских проектов). Различные ее лаборатории занимаются изучением и диагностикой когнитивных и социальных сетей, обработкой данных, а также разработкой коллаборативно-сетевых технологий. В недрах агентства организованы работы по поиску в социальных сетях представляющих интерес лиц и процессов, а также анализу характера трансформации ее элементов при виртуальном поведении, разработке технологий по организации проведения операций в инфраструктурах и т.д.

Кроме того, можно выделить проекты: SCIL (анализ особенностей содержания языка и изучение этносоциальной специфики носителей языка по тексту); Reynard (целевой поиск в социальных сетях и виртуальных мирах); Aggregative Contingent Estimation (анализ социальных групп по изучению процессов и их влияния на коллективный разум). Более того, по программе Mataphor IARPA-BAA-11-04 осуществляется изучение этнокультурных традиций через смысловые метафоры и специфику языка, способствующих установлению устойчивого психологического контакта по заданию разведывательных служб [4, с. 37-38].

Важным инициатором исследований подобного плана является Пентагон в лице «Объединенного киберкомандования» (Unified U.S. Cyber Command). В рамках «Доктрины проведения информационных операций» Вооруженных Сил США и «Руководства JP 3-13» разработана программа отслеживания и изучения социальных сетей, форумов и чатов. Цель последней – оказание воздействия с помощью инфильтрации «легенды» на массовую аудиторию. Одновременно получила развитие и система по мониторингу и анализу пропаганды противника. Специфичность системы заключается:

а) в обнаружении, структурировании, определении оценки и прогноза распространения идей и дезинформаций;

б) в установлении пропагандистских центров и определении технологий воздействия через Интернет;

в) в определении противника, целей и эффекта воздействия;

г) в применении контринформации в условиях информационного противодействия.

Вместе с тем по проекту «Cyberspace Warfare Operations Capabilities» («Возможности ведения военных операций в киберпространстве») разработана и совершенствуется программа по осуществлению кибер-атак на системы управления данными, их повреждению и взломе операционных систем и поддержания превосходства в киберпространстве. Рассмотренный нами

далеко не полный перечень проектных работ, взятых из открытых источников, убеждает в наличии значительного потенциала ИПВ. Имеющиеся технологии апробированы, продолжают совершенствоваться и эффективно используются в различных ситуациях, в том числе при координации действий оппозиции, нейтрализации позитивных сил.

2. Виртуальная культура как основа разработки и проекция психологических механизмов ИПВ

В современных условиях США и НАТО в рамках концепции «Стратегическая пропаганда (Strategic Communication, 2014 г.) активно реализуют новые подходы в организации информационно-психологического противоборства, используя новые методы, средства и формы ИПВ [17, с. 5]. Потребность в эффективном ведении информационно-психологических войн обусловило создание факультета «Информационная война и стратегии» в Национальном университете обороны (Вашингтон). Первый выпуск группы специалистов в данной сфере был осуществлен в июне 1995 г. Следует заметить, что содержание образования слушателей включает не только такие разделы, как деятельность по достижению информационного превосходства над противной стороной, но и технологии информационно-психологических войн и проведения операций с помощью ИПВ, в информационном и киберпространстве. Более того, в программу включена деятельность с позиции миротворческих сил ООН при проведении операций (в том числе освобождению заложников), благотворительных и иных международных фондов, клубов, религиозных сект с использованием современных достижений психологии. Значительное внимание уделено использованию виртуальной культуры на основе виртуальной психологии при разработке технологий ИПВ.

В процессе создания виртуальной реальности [18, с. 225-240] в целях повышения ее эффективной действенности, как правило, задействуют ряд ее составляющих. Так, при закладывании уровня получения адекватного отклика высокой точности при структурировании информации с использованием виртуальной реальности решается проблема достаточного пространственно-временного разрешения при контакте инициатора с объектом воздействия. Кроме этого, исходя из результатов реакции последнего, появляется вероятность деятельной трансформации структуры и динамики виртуальной среды на информационные потоки адекватно целям. Очевидно, качество конструирования реально не существующей реальности зависит не только от этих составляющих, но и обеспечение режима системы субъект-объектного воздействия. Поэтому в качестве исходных положений используются принципы [15, с. 73-95] «матрешки» (свертывание и развертывание виртуальной и константной реальности друг в друга), «меланжевой нити» (замены одной виртуальной реальности другой), «треугольной» модели (порождение виртуальной реальности из одного фрагмента константной реальности) и др. Вместе с тем при конструировании виртуальной реальности закладываются предпосылки провоцирования у объекта воздействия значимых при воздействии явлений. К их числу следует отнести программы, обеспечивающие реализацию связанных с неразличением фрагментов, невыполнимостью работы, рассогласования последовательности поведения, удвоением негатива восприятия реальности, фрагментарного осознания виртуальной реальности и т.д.

Вместе с тем к числу наиболее значимых и проявляющих себя феноменов специалисты относят психологические, связанные с пребыванием человека в виртуальном пространстве. В этом плане представляют интерес проблемы его адаптации, поведения и взаимодействия, принятия решений, а также психические состояния, индивидуальные и массовые проявления. Целевые установки позволяют разработчикам разрабатывать адекватные модели с пограничными виртуальными реальностями, при гибком сочетании фрагментов последней с константной реальностью. Так, объективированность объекта воздействия приводит к трансформации динамики деятельности, актуализации эмоционально-чувственной сферы, затемнению сознания и т.д. Определенное место занимает ретроспективная аттракция, с помощью которой внимание переключается на негативные фрагменты прошлого. Закладываемая при этом когнитивная карта и специальные паттерны должны актуализировать акт планируемой деятельности, независимо от внешнего или внутреннего побуждения. Их использование способно «канализировать сознание» объекта воздействия, привести к планируемому «видению» проблемы и ее решению. Посредством ИПВ на сознание, чувства и эмоции определенных категорий населения противника предполагается путем не прямых, косвенных действий побудить к переходу в требуемое состояние и склонить к принятию ключевых решений.

Психологические последствия такого воздействия выходят далеко за пределы виртуального влияния, что создает у объекта воздействия ситуацию социальной депривации. Очевидно такая ситуация представляется в виде совокупности характеристик ИПВ на индивида. Основным травматическим фактором становится информационный, при его наполнении психологическим содержанием. В результате воздействия могут иметь место феномен раздвоения личности [19], нейтрализации воли, способов реализации поведения, исчезновение грани между вир-

туальным и пост-виртуальным режимом, который находится вне контроля сознания и не зависит от воли, намерений и желания объекта воздействия [20, с. 459-478]. Жертвы в процессе ИПВ чувствуют себя неуверенно, тревожно, подавленно. Некоторые испытывают ощущение тяжести и неприятности нахождения в константной реальности. Во многих случаях появляется страх и паника, соотносимые с типами реагирования. В рамках типологических особенностей и характеристик выделяют: индифферентное, мобилизационное, депрессивное, активно-депрессивное, чрезмерно-активное и латентно-паническое поведение. Безусловно, в основу разработки виртуальных моделей закладывается типология реагирования, что позволяет активно использовать достижения виртуальной психологии. Не случайно директор лаборатории виртуальной реальности Университета Южная Каролина (США) профессор психологии Риззо (Ckip Rizzo) выступает за «активное втягивание психологии в XXI век, что может в результате, по его мнению, стать настоящей революцией» [21, с. 176-189].

Ранее указывалось, что в целях решения стратегических задач разработчиками активно используются отдельные достижения необихевиоральной, архетипической и когнитивной психологии. В частности, исследования познавательных функций убеждают, что познание когнитивной системы человека возможно. Так, воздействие внешнего стимула позволяет извлечь информацию, анализировать, утерять или не утратить, а также управлять с помощью сохраненной информации. Инструментами ее освоения становятся предрасположенность к чувственному восприятию, интроспекция психической и интеллектуальной деятельности субъекта. В соответствии с «Концепцией стратегической пропаганды» США [7, с. 13-18] организацию процесса трансформации сознания, ценностных ориентаций, установок, мировоззрения и линии поведения целевых аудиторий следует инициировать путем направленного ИПВ. В этих целях предполагается реализация ряда наиболее важных видов психологического воздействия: введение противника в заблуждение (дезинформация), направление на негодный объект, осуществление контрпропаганды и обеспечение оперативной маскировки [22, с. 12-16].

Возможность дистанционного воздействия по Интернету [11] в настоящее время возможно посредством разработки виртуальных моделей на основе данных о слабых и сильных аспектах деятельности противника, целях проведения ИПВ, объектов воздействия и определения «точечных» информационно-психологических тем. При ее разработке учитываются: прогнозируемая виртуальная и фактическая среда; правдивость виртуальных фрагментов; способы взаимодействия в моделируемых условиях (характер интерактивности, инициатива, мотивация и др.); определяются математические основы моделирования объекта или явления; потребности автоматической проверки полученных результатов и др.

Также учитывается возможность использования таких факторов, как мифологическое сознание (взаимосвязь утопии и идеологии); архетипов как устойчивых, но скрытых доминирующих стереотипов человеческого поведения; спонтанности сознания. Достаточно активно используются система образов, подмена реальных образов на виртуальные, замена когнитивных карт и схем, разрыв шаблонов поведения и т.д. В целом разработка виртуальной реальности базируется на положениях квалифицированного централизованного управления, согласованности и целеустремленности, оперативности и непрерывности ИПВ с опорой на достоверность и убедительность подачи информации, эффективность применения специальных сил и средств.

Особые требования предъявляются к решению проблемы повышения эффективности ИПВ на объект воздействия. В этом плане выявление и анализ механизмов трансформации сознания в процессе ИПВ крайне необходим. В условиях краха высших целей, поляризации различных сил, искажения нравов и утраты чувства долга, манипуляции коллективным сознанием рушится сложившаяся система [2, с. 88-102]. Такое состояние ведет к эскалации информационно-психологической войны. Призрачность, таинственность, иррациональность, опора на подсознание и бессознательное [12] противоборства создает атмосферу «смысловых» галлюцинаций и сценичности. В итоге складывается система искаженного восприятия реальных событий и процессов окружающей действительности, пропитанной атмосферой разрушения, что значительно усиливает противодействие сторон.

Существующий мир как проекция идеальной психической реальности, и модель окружающей действительности может быть человеком верифицирована только с позиции его психики. В таком понимании человек является активным творцом действительного мира, где психика имеет смысловое содержание, а личности как носитель смыслов (Налимов В.В., 1989) позволяет воспринимать психический образ как «постоянно и в каждое мгновение рождающее и возрождающее себя новообразование» [9, с. 41-45]. В этом плане результативность деструктивного воздействия зависит от особенностей психологических механизмов трансформации убеждений, стереотипов поведения и установок объектов ИПВ. При этом двойственность и глубокие разногласия современного сообщества инициируют формирование и реализацию деструктивных изменений во всех подсистемах [23, с. 125-130]. Формируется впечатление, что деструк-

тивное воздействие носит локальный, вариативный, необязательный, взаимозаменяемый характер. Скрытность такого воздействия нивелируется представлением о глобальных закономерностях его протекания.

Системный подход к конкретному информационно-психологическому акту убеждает в наличии общей матрицы информационно-психологического деструктивного воздействия. Последняя включает содержание хода смыслообразования и определенный алгоритм взаимосвязанных действий. Важную роль при передаче смыслов играют механизмы деструктивного характера, регулирующие течение этого процесса, взаимосвязанные с тенденциями его развития и обеспечивающие конечный результат.

Под «психологическим механизмом» понимается «система психических и социальных предпосылок, условий, обеспечивающих направленность поведение человека» [10, с. 25-29]. Данный термин вполне допустим к описанию механизмов деструкции смыслового содержания, в котором замена или видоизменение элементов приводит к трансформации другие звенья акта смыслообразования в процессе коммуникации. Анализ имеющейся литературы по теории и практике ведения психологических войн позволяет выделить ряд психологических механизмов, в частности:

1) *Механизм трансформации убеждений*, где убеждения являют собой представления, знания, идеи, ставшие мотивами поведения человека и определившие его отношение к действительности. Угроза здоровью, жизни, иные опасности, забота о своем выживании порождают когнитивный диссонанс. Поэтому в рамках возникших рассогласований сложившиеся убеждения, идеи и мотивация могут видоизменяться.

2) *Механизм трансформации стереотипов, где с*оциальный стереотип представляет схематизированный образ какого-либо явления социальной действительности, фиксирующий в себе некоторые, иногда незначительные, его черты. Создание ложных стереотипов является одной из задач ИПВ. Так, например, дискредитация военно-политического руководства приводит к разрушению стереотипа позитивного отношения граждан.

3) *Механизм трансформации установок, где у*становка представляет собой развивающуюся на основе опыта предрасположенность человека к определенной форме реагирования в заданном направлении действовать по отношению ко всем объектам и ситуациям, с которыми они связаны. Очевидно, положение, связанное с внутренней готовностью, соответствует потребностям человека. Поэтому при воздействии создаются ситуации, когда потребности человека удовлетворяются, а установка закрепляется, заменяется или изменяется. Эффективность использования деструктивных методов зависит и от использования особых приемов и способов воздействия. В их числе следует выделить технологии дезинформирования, манипулирования, распространения слухов и мифов, «рефлексивного» управления и влияния на деформацию архетипических образов, психопрограммирования, интеграции мифических образов, насильственной индокринации [24, с. 15-18] и т.д.

Осмысление психологических механизмов при ИПВ в условиях виртуальной реальности и неустойчивости константной требует исследования проблем, связанных с генерированием продуктивных смыслов в процессе социальной коммуникации. Любые отступления от стратегии социального развития проявляются в «сбоях», «разрывах», «взрывах», «хаосе» и т.д. События последних десятилетий по своим характеристикам указывают на период такой «переходности», когда пребывание общества между неустойчивостью и стабильностью не только достигало своего критического уровня, но и явно превышало.

Заключение

Представленное нами направление является актуальным, а в плане обеспечения информационно-психологической безопасности населения России – перспективным. Глобализация деструктивных процессов актуализует проблемы ИПВ и обусловливает потребность их проработки по своевременному обнаружению, сковыванию и срыву деструктивного воздействия. Дальнейшее изучения видится в разработке теории психологических виртуальных реальностей информационно-психологического воздействия вообще и в борьбе с терроризмом, экстремизмом и неуправляемыми миграционными процессами. Это обусловлено стратегическими интересами России, что настоятельно требует адекватной реакции со стороны ученых, общественных и политических деятелей, лиц, принимающих политические решения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537) – [Электронный ресурс] Режим доступа: http://kremlin.ru/supplement/424.
2. Собольников В.В. Информационное воздействие в современном мире: социально-психологический аспект: монография. – Новосибирск: РАГС, СибАГС, 1999. – 166 с.

3. Cyberspace policy review. Fssuring a Trusted and Resilient information and Communications Infrastructure? 2010, – С.76.
4. Шеховцов Н.П., Кулешов Ю.Е. Информационное оружие: теория и практика применения в информационном противоборстве // Вестник академии военных наук: ежеквартальный военно-научный журнал. – 2012. – № 1(38). – С. 35-40.
5. Олевский В. Концепция «Стратегической пропаганды НАТО». Ч.I. // Зарубежное военное обозрение. – 2016. – №5. – С. 12-20.
6. Alger J.I. Dec laring information war // Janes international review. 1996. – № 7. – С. 54-5525. Edward N. Luttwak. Coup d'Etat: A Practical Handbook / Русский Фонд Содействия Образованию и Науке. – М., 2012. – 326 с.
7. Олевский В. Концепция «Стратегической пропаганды НАТО». Ч.II. // Зарубежное военное обозрение. – 2016. – № 6. – С. 28-36.
8. Манойло А.В. Роль культурно-цивилизационных моделей и технологий информационно-психологического воздействия в разрешении международных конфликтов //Автореф. дис. … д-ра полит. наук, специальность 23.00.04. – М., 2009. – 45 с.
9. Антонович П.И., Шаравов И.В., Лойко В.В. Сущность операций в кибернетическом пространстве и их роль в достижении информационного превосходства // Вестник академии военных наук: ежеквартальный военно-научный журнал. – 2012. – № 1(38). – С. 41-45.
10. Собольников В.В. Место и роль психологического воздействия в стратегии ведения «гибридных» войн НАТО // Гуманитарные проблемы военного дела: Военно-научный журнал. – 2015. – № 3. – С. 25-31.
11. Доклад «Рунет сегодня: исследование российского Интернета» // См. [Электронный ресурс] URL: http://www.civilfund.ru/mat/view/1 (дата обращения: 25.07.2016).
12. Смолл Г., Ворган Г. Мозг онлайн: Человек в эпоху Интернета. – М.: КоЛибри, 2011. – 57 с.
13. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики / пер. с англ. А.М. Татлыбаевой. Научн. ред., вступ. статья Н.Н. Акулиной. – СПб.: Евразия, 1999. – 432 с.
14. Величковский Б.Б. Психологические факторы возникновения чувства присутствия в виртуальных средах // Национальный психологический журнал. – 2014. – № 3(15). – С. 31-38.
15. Носов Н.А. Виртуальная психология. – М.: Аграф, 2000. – 432 с.
16. Intelligence Advanced Research Projects Activity (IARPA). Open Source Indicators (OSI) Program: Broad Agency Announcement, IARPA-BAA-11-11. Office of Incisive Analysis. Release Date: 2011, August 23. См. [Электронный ресурс] URL: http:// goodtimesweb.org/surveillance/IARPA-BAA-11-11_20110823.pdf (дата обращения 15.12.2015).
17. Comprehensive Approach to Joint Information Operations Force Development. Information Operations (10) 2020: A White paper for Developing the Future Joint Force. Joint Information Operations Warfare Center; San Antonio, TX. Michael R. Chaparro, 14 February 2013. – С. 5.
18. Witmer B.G., Singer M.J. Measuring Presence in Virtual Environments: A Presence Questionnaire // Presence. – 1998. – Vol. 7. – № 3. – С. 225-240.
19. Розин В.М. Феномен множественной личности: По материалам книги Дэниела Киза «Множественные умы Билла Миллигана». – М.: Либроком, 2009. – 200 с.
20. Seager, W. Ground truth and Virtual Reality: Hacking vs. van Fraassen Текст. / W. Seager // Philosophy of science. Eastlansing. – 1995. – Vol. 62. – № 3. – С. 459-478.
21. Rizzo A.C. Virtual Reality Goes to War: A Brief Review of the Future of Military Behavioral Healthcare // Journal of Clinical Psychology in Medical Settings. – 2011. – № 1. – С.176-189.
22. Будаев Э.В. Концептуальная метафора на службе у разведки США // Политическая лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 12-16.
23. Heim M. The Metaphysics of virtual reality / M.Heim // Virtual reality: theory, practice and promise. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – С.125-141.
24. Собольников В.В. Архетипическое обоснование деструктивности в контексте бинарности как структурообразующего принципа // Сибирский педагогический журнал: научное периодическое издание. – 2015. – № 3. – С. 15-18.

REFERENCES

1. Strategiya nacionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federacii do 2020 goda (utv. Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federacii ot 12 maya 2009 g. №537). [The national security strategy of the Russian Federation until 2020 (approved. By the decree of the President of the Russian Federation 12 may 2009 No. 537)] – Mode of access: http://kremlin.ru/supplement/424. (in Russ.).
2. Sobolnikov V.V.Informacionnoe vozdeystvie v sovremennom mire: socialno-psihologicheskiy aspekt: monografiya. [The impact of Information in the modern world: socio-psychological aspect: monograph.] Novosibirsk: Russian Academy of public service, Sibags, 1999. 166 p. (in Russ.).
3. 3.Cyberspace policy review. Fssuring a Trusted and Resilient information and Communications Infrastructure? 2010, P. 76. (in Russ.).
4. Shekhovtsov N. P. Kuleshov, Y., E. Shehovcov N.P., Kuleshov Y.E. Informacionnoe oruzhie: teoriya i praktika primeneniya v informacionnom protivoborstve//Vestnik akademii voennyh nauk: ezhekvartalnyy voenno-nauchnyy nal.[Information warfare: theory and practice in information war//Bulletin of the Academy of military Sciences: a quarterly of the military-scientific journal.] 2012. №1(38). Pp. 35-40. (in Russ.).
5. Olevskiy V. Koncepciya « Strategicheskoy propagandy NATO». Ch.I.//Zarubezhnoe voennoe obozrenie. [The Concept of " Strategic advocacy of NATO." Part I.//Foreign military review.] 2016. No. 5. Pp. 12-20. (in Russ.).
6. Alger J. I. Dec laring information war//Janes international review. 1996. №7. Pp,54-5525. Edward N. Luttwak. Coup d'etat: A Practical Handbook. / Russian Fund for support of Science and Education. M., 2012. 326 p. (in Russ.).
7. Olevskiy V. Koncepciya «Strategicheskoy propagandy NATO». Ch.II.// Zarubezhnoe voennoe obozrenie. [The Concept of "Strategic advocacy of NATO." Part II.// Foreign military review]. 2016. No. 6. Pp. 28-36. (in Russ.).
8. Manoylo A.V. Rol kulturno-civilizacionnyh modeley i tehnologiy informacionno-psihologicheskogo vozdeystviya v razreshenii mezhdunacionalnyh konfliktov.//Avtoref. disser… d-ra polit.nauk, specialnost 23.00.04.[The Role of cultural and civilization models and technologies of information and psychological impact in resolving inter-ethnic conflicts.//Abstract. disser... d-RA polit.science, specialization 23.00.04] M.: 2009. 45 p. (in Russ.).
9. Antonovich P.I., Sharavov I.V., Loyko V.V. Suschnost operaciy v kiberneticheskom prostranstve i ih rol v dostizhenii informacionnogo prevoshodstva// Vestnik akademii voennyh nauk: ezhekvartalnyy voenno-nauchnyy zhurnal. [The Nature

of transactions in cyberspace and their role in achieving information superiority// Bulletin of the Academy of military Sciences: a quarterly of the military-scientific journal]. 2012. № 1(38). Pp. 41-45. (in Russ.).
10. Sobolnikov V.V. Mesto i rol psihologicheskogo vozdeystviya v strategii vedeniya «gibridnyh» voyn NATO //Gumanitarnye problemy voennogo dela: Voenno-nauchnyy zhurnal. [The Place and role of psychological influence in the strategy of "hybrid" wars, NATO //the Humanitarian problems of military Affairs: Military-scientific journal]. 2015. No. 3. Pp. 25-31. (in Russ.).
11. Doklad «Runet segodnya: issledovanie rossiyskogo Interneta» [The report "Runet today: a study of the Russian Internet" // Cm. URL: http://www.civilfund.ru/mat/view/1 (reference date: 25.07.2016). (in Russ.).
12. Smoll G., Vorgan G. Mozg onlayn: Chelovek v epohu Interneta. [Brain online: the Man in the Internet era]. M.: Colibri, 2011. 57 p. (in Russ.).
13. Maslou A. G. Dalnie predely chelovecheskoy psihiki/per. s angl. A.M. Tatlybaevoy. Nauchn. red. vstup.statya N.N. Akulinoy. [The Far reaches of human psyche/per. s angl. A. M. Tatabaeva. Scientific. ed. introd.article N. N. Akulina]. SPb.: Evraziya, 1999. 432 p. (in Russ.).
14. Velichkovskiy B.B. Psihologicheskie faktory vozniknoveniya chuvstva prisutstviya v virtualnyh sredah // Nacionalnyy psihologicheskiy zhurnal. [Psychological factors of the sense of presence in virtual environments // National psychological journal.] 2014. № 3(15). Pp. 31-38. (in Russ.).
15. Nosov N.A. Virtualnaya psihologiya. [Virtual psychology]. Moscow: Agraf, 2000. 432 p. (in Russ.).
16. Intelligence Advanced Research Projects Activity (IARPA). Open Source Indicators (OSI) Program: Broad Agency Announcement IARPA-BAA-11-11. Office of Incisive Analysis. Release Date: 2011, August 23. Cm. URL: http:// goodtimesweb.org/surveillance/IARPA-BAA-11-11_20110823.pdf (accessed on 15.12.2015). (in Engl.).
17. Comprehensive Approach to Joint Information Operations Force Development. Information Operations (10) 2020: A White paper for Developing the Future Joint Force. Joint Information Operations Warfare Center; San Antonio, TX. Michael R. Chaparro, 14 February 2013. P. 5. (in Engl.).
18. Witmer B. G., Singer M. J. Measuring Presence in Virtual Environments: A Presence Questionnaire // Presence. 1998. Vol. 7. No. 3. Pp. 225-240. (in Engl.).
19. Rozin V.M. Fenomen mnozhestvennoy lichnosti: Po materialam knigi Deniela Kiza «Mnozhestvennye umy Billa Milligana». [The Phenomenon of multiple personality: On the book of Daniel Keyes "Multiple minds of bill Milligan"]. M.: Book house "Librokom", 2009. 200 p. (in Russ.).
20. Seager, W. Ground truth and Virtual Reality: Hacking vs. van Fraassen Text. / W. Seager // Philosophy of science. Eastlansing, 1995. Vol. 62, No. 3. Pp. 459-478. (in Engl.).
21. S. Rizzo A. Virtual Reality Goes to War: A Brief Review of the Future of Military Behavioral Healthcare// Journal of Clinical Psychology in Medical Settings. 2011, no.1. Pp. 176-189. (in Engl.).
22. Budaev E.V. Konceptualnaya metafora na sluzhbe u razvedki SShA // Politicheskaya lingvistika. [Conceptual metaphor in the service of the United States intelligence // Political linguistics]. 2015. No. 2. Pp. 12-16. (in Russ.).
23. Heim, M. The Metaphysics of virtual reality/ M. Heim // Virtual reality: theory, practice and promise. Oxford: Oxford University Press, 1991. Pp.125-141. (in Engl.)
24. Sobolnikov V.V. Arhetipicheskoe obosnovanie destruktivnosti v kontekste binarnosti kak strukturoobrazuyuschego principa //Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal: nauchnoe periodicheskoe izdanie/ [Archetypal justification of destructiveness in the context of binarity as a structural principle //Siberian pedagogical journal: scientific periodical]. 2015 No.3. Pp. 15-18. (in Russ.).

Информация об авторе

Собольников Валерий Васильевич, доктор психологических наук, профессор, Академик Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры общей психологии и истории психологии факультета психологии ГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», Новосибирск, Россия
vsobolnikovis@gmail.com

Получена: 12.10.2016

Для цитирования статьи: Собольников В. В., Информационно-психологическое воздействие субъектов международного права как угроза национальной безопасности России. Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8. № 5. Часть 2. с. 22-30.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-22-30.

Information about the author

Valery V. Sobolnikov, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Academician, International Academy of Pedagogical Education Sciences, Professor, Departments of General Psychology and History of Psychology, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

vsobolnikovis@gmail.com

Received: 12.10.2016

For article citation: Sobolnikov V.V., Informacionno-psihologicheskoe vozdejstvie sub#ektov mezhdunarodnogo prava kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii. [Information-psychological impact of international law subjects as a threat to Russian national security] . Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol . 8. no. 5. Part. 2. Pp. 22-30.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-22-30. (in Russian)